

Этот горный проход и вправду оказался страшно манящим, даже кровь у него текла красивее, чем у других.

Глава секты был в весьма неплохом настроении и велел как следует привести парня в порядок. Вошедшие адепты секты порядком удивились, обнаружив, что этот человек всё ещё жив.

Впрочем, из-за такой мелочи не стоило беспокоить лекаря — у того уже была заготовлена мазь после любовных утех. Оставалось лишь искупать юношу, хорошенько намазать его и сварить легкую рисовую кашу, чтобы он отлежался день-другой.

Адепты секты посмотрели на Гу Шу, который от боли потерял сознание, отдали распоряжение сварить кашу, а затем отнесли его в купальню. Наполнив огромный чан для купания водой на троих, он с помощью внутренней энергии подогрел воду до приятной теплоты, проверил рукой, всё ли готово, и развязал единственную ленту, оставшуюся на теле Гу Шу.

Член культа окинул взглядом тело Гу Шу: оно сплошь покрывалось синяками и багровыми пятнами, а вокруг пупка следы от бурной ночи были особенно глубокими и отчетливыми.

— Прошу прощения за оскорбление.

Член культа сбросил верхнюю одежду, оставив лишь нижние штаны, и тоже залез в купальню.

Одной рукой он поддерживал Гу Шу, чтобы тот не упал, а другой принялся тщательно обмывать его снизу...

Какое осязание! Адепты Демонического культа тревожно застучали сердцами, и их руки задвигались куда быстрее. Тщательно обмыв всё тело Гу Сюя с ног до головы, они вытерли его насухо, подхватили на руки и перенесли на стоявшую в стороне кушетку. Бережно смазав его мазкой и натянув нижнее белье и штаны, они укрыли его заготовленным одеялом.

Закончив с этим, последователи принялись наводить порядок.

— Унесите это и тщательно вымойте.

Один из адептов толкнул дверь и выбросил на землю испачканную утварь.

Когда Гу Сюй проснулся, вокруг стояла тишина — лишь глухо шумели волны. Он шевельнулся: его тело всё еще было на удивление крепким. Вынести столько издевательств и при этом так живуче цепляться за жизнь — даже он сам считал себя чудом.

Он ощутил в своем теле какую-то постороннюю силу, должно быть, оставшуюся от успешно проведенной циркуляции. Впрочем, вся эта мощь в конце концов оставалась чужеродной и рассеялась бы без следа, стоило ей исчерпаться.

Осторожно окружив себя защитной оболочкой, он направил остатки энергии на то, чтобы проникнуть в сон Гу Шу.

Гу Шу, если бы ты узнал, что у тебя будет ребенок, стал бы ты заботиться о нем?

Если не станешь, я постараюсь сделать так, чтобы никто и не догадывался о моем существовании. Но если ты проявишь к нему заботу, я придумаю другой способ помешать тем, кто замышляет навредить нам обоим...

Гу Шу пришел в себя лишь два дня спустя. Нащупая опору, он поднялся с постели, как вдруг услышал, как кто-то вбежал в комнату с возгласом: Молодой господин очнулся!– Молодой господин, испытываете ли вы еще какое-либо недомогание? Мы уже сообщили Главе секты, и, полагается, совсем скоро он придет. Какая же у вас счастливая судьба, молодой господин, вы — единственный, кто смог остаться в живых в руках Главы секты, не обладая при этом никакими боевыми искусствами.

Голос вошедшей был звонким и приятным. Поддерживая Гу Шу, она проводила его до стула, а затем, хлопнув в ладоши, велела подать несколько тарелочек с нехитрой закуской и пиалу легкой рисовой каши.

– Молодой господин, отведайте пока легких закусок, а обо всех прочих распоряжениях можете сказать мне.

Эта женщина была управляющей, имевшей немалый вес в секте. Миниатюрная и изящная с виду, она обладала удивительной, поразительной силой — могла запросто поднять двух-трехсоткилограммовый камень.

– Глава секты? – с сомнением переспросил Гу Шу.

– Да уж! Лицо нашего Главы беломраморное, словно нефрит, глаза сияют, как яркие звезды, нос прямой и точеный, губы точно тронуты румянами, а станом он высок и строен. Пойдя за ним, ты точно не останешься внакладе, ведь ты уже наверняка успел вкусить сладость бурных ночей с Главой секты, верно?

Заговорив о своем правителе, она принялась перечислять его достоинства со знанием дела, но под конец вдруг что-то вспомнив, добавила:

– Можешь звать меня У Нянь. Посмотри на свои тощие кости, тебе нужно побольше есть. Ты ведь еще не знаешь, кто наш Глава? Наверняка же слышал о пресловутом и гремящем на весь мир Главе Демонического культа?

– Кое-что слышал, – помолчав, ответил Гу Шу и молча закинул в рот пару кусочков еды.

Ходили слухи, что Демонический культ способен на любые безумства. Неужели тот самый человек, стоящий выше Лю Цзыаня, о котором он говорил, и есть Глава Демонического культа? Какая связь между Лю Цзыанем и Главой Демонического культа?

Глава секты явился ближе к закату. Едва войдя, он увидел, как Гу Шу медленно передвигается, осторожно нащупывая дорогу.

- Глава секты? - неуверенно позвал Гу Шу.

- Мм. Что ты делаешь?

- Я не слишком хорошо знаком с этим местом, поэтому пытаюсь запомнить обстановку, чтобы в следующий раз ходить без посторонней помощи.

Гу Шу отдернул протянутую вперед руку и тревожно опустил ее вдоль тела, страшно боясь разгневать стоящего перед ним мужчину.

- Как насчет того, чтобы для начала познакомиться со мной, Главой секты? Наша секта куда прекраснее этого места.

Уголки губ мужчины изогнулись в улыбке.

В комнате находились лишь двое. Этот кабинет служил местом, где Глава секты занимался официальными делами, и без его приказа вход сюда был строго запрещен никому.

Целая стена была завалена книгами, что позволяло судить о широте кругозора Главы.

Стопка неразобранных дел осталась всего одна, а все уже решенные документы аккуратно лежали на полу.

Гу Шу сидел на коленях у Главы секты, прислушиваясь к шороху кисти, что быстро скользила рядом с его ухом. Вскоре его сморил сон, и он склонил голову на грудь Главы секты, слегка поддремливая.

— Раз хочется спать, иди поспи на тахте в стороне.

Весь Демонический культ знал, что у Главы секты прекрасное настроение: у него появился не обладающий никакими боевыми искусствами, но невероятно красивый мужчина-фаворит.

Люди в секте знали: стоило Главе секты решить благодетельствовать кого-то своим вниманием, как этот человек не прожит и дня и умирал насильственной смертью.

Гу Шу находился здесь уже больше двух месяцев. Поначалу Глава секты навещал его лишь по вечерам, и хотя каждый такой визит неизменно заканчивался соитием, он знал, что Глава

секты невероятно силен в постели.

Сначала Гу Шу еще не мог привыкнуть, но со временем и сам постепенно погрузился в эти утехи — этот мужчина дарил ему совершенно иное наслаждение.

Вскоре Глава секты и вовсе стал повсюду брать его с собой. Стоило тому возбудиться, как он принимался ласкать Гу Шу без всякого смущения, не прекращая, пока тот не лишался сил. А когда Гу Шу чувствовал себя сносно, то и сам просил мужчину повторить еще несколько раз.

— Не надо, не надо!

Гу Шу в ужасе проснулся и почувствовал, что на его плечи накинута тяжелая шуба — уже наступила зима. Говорили, что еще через полмесяца можно будет устроить пир, чтобы проводить уходящий год и встретить наступающий.

Гу Шу с тревожным сердцем коснулся рукой слегка выпирающего живота. Когда Глава секты в последнее время заглядывался на его живот, Гу Шу лишь отговаривался тем, что просто отъелся на здешних отменных харчах.

И даже когда тот заикнулся о том, чтобы позвать лекаря, Гу Шу всячески отнекивался и отшучивался, сводя все на нет.

К счастью, стояла зима, и под одеждой ничего было не разглядеть.

Он не знал, догадался ли Глава секты о чем-то, поэтому ему оставалось лишь притворяться, будто он сам ни о чем не ведает, — хотя определенные приготовления сделать всё же стоило.

Он старался по возможности угодить любым желаниям Главы секты, лишь изредка позволяя себе робкие просьбы — например, надеялся, что Глава секты не станет раздевать его догола, так как на улице слишком холодно, и он может простудиться, а если он заболит, Главе секты будет уже не до веселья.

Он понял, что с ним что-то не так, примерно месяц назад из-за приснившегося сна. Во сне его глаза исцелились, и он увидел Лю Цзыаня, но сам Лю Цзыань его не видел. Он всюду следовал за Лю Цзыанем, слушая, как тот наказывает лекарю использовать самые сильные средства и непременно избавиться от ребенка.

Чего ребенка?

Затем картина сменилась: он почувствовал на своих глазах знакомую до боли повязку, а в руках — тяжесть, и в этот момент до его слуха донеслись слова: Гу Шу, выпей это лекарство, и болезнь пройдет.

Почему эти слова казались ему такими знакомыми? Затем он почувствовал, как у него заболел живот, и вспомнил слова, которые Лю Цзыань сказал в тот вечер перед тем, как он выпил лекарство.

Но что-то было не так: он знал, что в тот вечер из него не вытекло столько крови. Он развязал повязку на глазах — вокруг не было ни души. Глядя, как алая кровь на его штанах расплзается по постели, он мгновенно проснулся в ужасе.

Во второй раз во сне он увидел рядом с собой мальчика лет пяти-шести. Он заметил, как

мальчик тянет его за одежду и плачет, и сердце его мгновенно сжалось. Не зная, как утешить ребенка, он лишь присел на корточки и крепко обнял его, надеясь подарить ему хоть немного сил.

Папа, ты можешь от меня не отказываться? — произнес мальчик.

Упрямо отстранившись от объятий, мальчик заглянул ему в глаза, надеясь услышать четкий ответ.

Гу Шу посмотрел на стоявшего перед ним ребенка, в изумлении глядя на него, и спросил:

— Ты назвал меня папой?

— Угу, — мальчик кивнул. Увидев, что тот никак не выражает своего мнения, он опустил голову с жалким видом и произнес: — Если папа не хочет меня, я могу больше не появляться у него на глаза.

— Нет, кто сказал, что папа от тебя отказывается? — торопливо проговорил Гу Шу, притягивая мальчика к себе и внимательно разглядывая: тот действительно был похож на него в детстве.

Неужели это и впрямь его собственный ребенок?

— Я буду защищать тебя, — пообещал Гу Шу.

В его голове всплыл прошлый сон, и, казалось, он всё понял.

В этот раз ему приснилось, что Глава секты узнал о его ребенке, пришел в ярость и отравил малыша.

.....

Гу Суй поступал так не без причины: он тоже побывал во сне Главы секты и обнаружил, что тот никоим образом не позволил бы своим людям вынашивать чужих детей.

Он приложил огромные усилия, чтобы заставить Главу секты забыть этот сон.

Гу Суй также понимал: если бы это был ребенок самого Главы секты, тот, возможно, и отнесся бы к нему хорошо, но пульс не обманешь. То обстоятельство, что он носит почти пятимесячный плод, обнаружилось бы тотчас же, стоило кому-нибудь пощупать ему пульс.

Опасаясь разоблачения со стороны Главы секты, он до сих пор намеренно сдерживал развитие

плода, однако как бы он ни подавлял его, тело все равно медленно развивалось, к тому же подобное угнетение шло во вред ему самому.

И больше он не собирался сдерживать развитие своего ребенка. Гу Сюй уже полностью истратил силу, полученную от главы секты: в конце концов, в предыдущие дни было немало треволнений, да к тому же ему приходилось тратить часть энергии на то, чтобы поддерживать тело в относительно здоровом состоянии.

К тому же нынешнее тело главы секты — не то, с чем обычный человек сможет справиться, так что ему приходилось выделять ещё немного сил, чтобы защитить себя от гибели из-за слишком бурных занятий.

В общем, он целыми днями только и делал, что спасал собственную жизнь, а заимствованная сила уходила на самозащиту.

.....

— Приснился кошмар?

Глава секты притянул Гу Шу к себе в объятия и втянул носом исходивший от него запах — как же он был хорош.

Ладонь главы секты распустила завязки верхней одежды Гу Шу и бесцеремонно проскользнула внутрь. Гу Шу вздрогнул всем телом, торопливо перехватил озорную руку главы секты и пробормотал:

— Глава секты только что закончил разбирать дела секты, у вас слишком холодные руки. Хотите, я сначала их согрею?

Затем он взял руку главы секты и прижал к своей груди.

— Здесь, на груди, гораздо теплее.

Глава секты прищурился, глядя на то, как Гу Шу закусил губу, и нашел это зрелище довольно милым, а потому позволил ему делать всё, что тот хочет.

С самого первого дня он знал, что Гу Шу — гермафродит. Последнее время он чувствовал, что Гу Шу начал о чём-то тревожиться, но тот, похоже, боялся его разоблачения и каждый раз притворялся, будто ему абсолютно всё равно.

Живот ведь и впрямь казался слегка округлившимся, неужели он настолько силен? Неужели уже зачал?

Раз уж Гу Шу не хотел, чтобы он знал, тот решил просто помолчать.

Судя по тому, что Гу Шу чувствовал себя неплохо, звать прославленного лекаря нужды не было.

При мысли об этом самом лекаре, который безумно любил всяческие фармакологические изыскания, у него слегка заболела голова.

Лекаря сюда притащили силой; он терпеть не мог принимать пациентов, предпочитая в одиночестве сидеть за изучением всякой всячины.

Обычно лекарь заранее заготавливал партию ходовых лекарств, а затем наказывал никому не беспокоить его по пустякам.

— Ты мне все руки согрел. Ладно, отпусти.

С этими словами глава секты передвинул руку ниже, на живот, пощупал плоть Гу Шу и заметил:

— Ты набрал несколько цзиней, как у тебя всё в живот ушло?

Сегодняшнее прикосновение подсказало ему, что живот стал словно бы чуть больше, чем вчера.

Гу Шу слегка запаниковал: неужели глава секты догадался или нет? Сейчас ему оставалось лишь отделаться отговорками.

Поднявшись на ноги, Гу Шу указал на свой зад и произнес:

— Он теперь целыми днями без вас жить не может, и что мне с этим делать?

Глава секты усмехнулся:

— Это он по мне скучает, а ты сам-то по мне соскучился?

— Конечно соскучился.

— Задери выше! Если скучаешь, то и вид должен иметь соответствующий.

Обратно в комнату Гу Шу возвращался под руку с У Нянь, которая проводила его прямо к купальне.

— Вода уже вскипела, всё равно не нужно никакой помощи?

— Не нужно, У Нянь, идите, чай не в первый раз.

Убедившись, что вокруг никого не осталось, Гу Шу на ощупь добрался до купели и принялся самостоятельно смывать с тела липкую жидкость. *Фух, наконец-то все ушли.*

Словно мягкий стук или пузырьки, что весело бурлят в глубине живота, — ошеломленный Гу Шу опустил ладонь на собственный живот, и вдруг ему показалось, будто крошечная детская ножка толкнула его изнутри: крепко и отчетливо.

— Я тебя в обиду не дам, — погладив живот, Гу Шу трогательно улыбнулся уголкам губ.

.....

Ночью Гу Шу толком не сомкнул глаз. Дождавшись, когда вокруг воцарится полнейшая тишина, он осторожно приподнялся с постели и отыскал длинный отрез ткани вместе с ножницами.

Ничего не видя, он мог лишь ощупывать свой живот, прикидывая размеры, а затем аккуратно выкроил нужную полосу.

— Малыш, води себя послушно. Хоть будет немного тяжело, но это ради нашего же блага, не

бойся, папа тебя защитит.

Почувствовав, что ребёнок снова заворочался в животе, Гу Шу успокаивающе погладил его и, дождавшись, пока тот утихнет, слой за слоем туго стянул собственный живот тканью.

Ночью стоял холод, и когда обертывание было закончено, его уже била мелкая дрожь.

Надев нижнюю сорочку, он лег обратно в остывшую постель.

Выдохнув облачко тепла, Гу Шу потер озябшие ладони, а когда они немного согрелись, прижал руки к животу — тот был совершенно плоским.

Он слегка нахмурился: вообще-то ему было не слишком удобно, но терпеть вполне получалось, вот только бедного ребенка в чреве было жаль.

Глава секты поймал себя на мысли, что изначально поддался предрассудку, будто Гу Шу ждет ребенка.

Глядя на двигавшегося на нем вверх-вниз Гу Шу — хотя живот того и был скрыт одеждой, даже невооруженным глазом было заметно, что никаких изменений там не произошло, —

Завершив очередной выплеск, глава секты произнес:

— Хватит, поднимайся.

Гу Шу выпрямился и со смертельно бледным лицом кивнул.

— У тебя в последнее время ужасно бледный вид, может, позвать кого-нибудь осмотреть тебя? — с беспокойством глядя на него, спросил глава секты.

Гу Шу покачал головой, и пряди волос от этого движения упали на поясицу главы секты.

Начался праздник в честь новоприбывших, и холодные доселе черты лица главы секты смягчились, затронутые царившим вокруг всеобщим весельем.

Одной рукой обняв Гу Шу за талию, он увел его из двора в главный зал, где обычно собирались рядовые адепты для поклонения.

— Долгих тысяч лет главе секты, объединения боевых искусств! Долгих тысяч лет, объединения боевых искусств!

Гу Шу ничего не видел, но явственно ощущал царившую здесь грандиозную мощь. От гулкого шума у него заложило уши, и он прикрыл их руками.

Глава секты скосил глаза, склонил голову и с легкой улыбкой лизнул Гу Шу в нос:

— Не выносишь?

— Слишком шумно, в голове аж гудит, немного болит, — поморщившись, ответил Гу Шу.

После этого он усадил Гу Шу на самое почетное место. Стоило ему взмахнуть рукой, как все адепты дружно поднялись на ноги; бесчисленные пары глаз ярко блестели, устремившись на возвышение, где сидел глава секты.

Они уже давно слышали слухи о том, что глава секты прячет какого-то паренька для утех, который к тому же способен выдерживать его милость, и все они ждали не дождутся возможности взглянуть на него. И вот сегодня, наконец увидев любимца воочию, они признали, что тот действительно хорош.

— Начинайте!

Этот пир состоял главным образом из обильной еды и выпивки, за которыми следовал запуск диковинных фейерверков, выступления акробатов и непринужденные беседы, тянувшиеся до самой полуночи, после чего гости постепенно разошлись.

Лю Цзыань со сложным выражением лица смотрел на Гу Шу, сидевшего на высоком помосте. Жуя жаристую баранью ногу, с которой капал прозрачный сок, он перевел взгляд на живот юноши, но разглядеть что-либо сквозь одежды так и не смог.

Гу Шу чувствовал, как все собравшиеся внизу взгляды скрестились на нем, но стоило людям приняться за еду и питье, как эти взоры исчезли, и он с облегчением выдохнул.

Не дожидаясь окончания пиршества, Гу Шу почувствовал сильную сонливость. От витавших в воздухе ароматов жареного мяса тело наполнилось неприятной тяжестью.

Особенно донимал стянутый тугой повязкой живот: в такое время он обычно уже лежал в постели, тайком развязывая ткань, чтобы дать себе хоть минутную передышку.

— Устал? Я велю кому-нибудь проводить тебя.

От главы секты исходил винный дух, а в уголках глаз затаился колдовской, соблазнительный блеск.

Его синие глаза отражали ночные фейерверки, приобретая совершенно ослепительное выражение. Проведя пальцами по лицу Гу Шу, он тихо спросил:

Получив от главы секты распоряжение, У Нян подошла к Гу Шу. Заметив его бледные губы, она решила применить легкое кунфу, чтобы побыстрее унести его отсюда.

Гу Шу, казалось, о чем-то вспомнил и спросил У Нян:

— Лю Цзыань сегодня здесь?

— Лю Цзыань? Зачем он тебе понадобился? Да, он здесь.

У Нян нахмурила красивые брови, выказав легкое недовольство.

Раз уж они оказались здесь, обо всех знакомых из прошлого следовало забыть и не тащить за собой груз привязанностей.

— Можешь позволить мне сказать ему пару слов? Всего пару слов.

У Нян пристально посмотрела на Гу Шу и лишь спустя долгое время отвела его в пустующее место. Устроив его поудобнее и строго предупредив, чтобы он не вздумал никуда сбегать, она вернулась на место пира и разыскала Лю Цзыаня.

— У вас ровно четверть часа, говорите быстрее всё, что нужно.

У Нянь осталась стоять неподалеку, из-за чего Лю Цзыань чувствовал себя не в своей тарелке. Глядя на Гу Шу, он спросил:

— Как тебе живётся в секте?

Окинув его взглядом с ног до головы, Лю Цзыань отметил, что Гу Шу будто бы слегка поправился, лицо округлилось, но цвет лица оставлял желать лучшего.

Живот не вырос — судя по всему, подумалось Лю Цзыаню, ребенок уже погиб. При этой мысли он на мгновение растерялся, не зная, что и сказать.

У Гу Шу на языке вертелись тысячи слов, но он совершенно не представлял, с чего начать, и вокруг воцарилось долгое молчание.

— Мне живется вполне неплохо, видишь, я даже немного растолстел, да? Когда ты отправлял меня сюда, твое сердце хоть капельку терзалось сомнениями? Скажи мне, Лю Цзыань, ты ведь знал: если бы не моя удачливость, я бы уже был мертв?

Гу Шу почувствовал, как защипало в носу, а глаза заволокла влага. Он закусил губу и до боли сжал кулаки.

Он слишком долго всё это держал в себе. Он признавал, что глава секты относился к нему неплохо, но что, если бы он разделил участь тех несчастных, которых присылали на ложе главы секты лишь для того, чтобы они там умирали? Что тогда делать?

Он понимал, что у Лю Цзыаня были свои трудности, но просто не мог ни вообразить этого, ни простить.

А еще этот сон, где тот требовал лекарство для аборта, — словно нож, вонзившийся ему в сердце, от которого он задыхался, как тонущий человек.

Он понял, что теперь, глядя на Лю Цзыаня, больше не испытывает прежних чувств.

— Прости... — Лю Цзыань шагнул вперед и крепко обнял Гу Шу. — Прости меня.

Услышав это извинение, Гу Шу больше не смог сдерживать переполнявшую его скорбь: слезы намочили ленты на груди. Лю Цзыань разжал объятия, отпустил Гу Шу и обратился к У Нянь:

— Будьте добры, отведите Гу Шу обратно.

.....

Скорбь Гу Шу передалась Гу Сюю. Тот очнулся от сна: пространство вокруг по-прежнему было донельзя тесным, в нем едва удавалось пошевелиться — судя по всему, Гу Шу так и не развязал сдерживавшую его ткань.

Обычно, когда он просыпался, эта повязка уже была снята, и он мог хоть немного покрутиться и порезвиться.